Татьяна
ГЛИНСКАЯ

ЕДИНСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Татьяна Глинская
Единственная любовь Шерлока Холмса

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6694707
Татьяна Глинская. Единственная любовь Шерлока Холмса: Яуза; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70516-0

Аннотация

Она была единственной женщиной в жизни Шерлока Холмса. Она одна смогла одолеть великого сыщика и растопить его ледяное сердце. Их отношения не назовешь просто «любовью» – это было нечто большее: Ирэн Адлер приворожила Холмса раз и навсегда. И хотя их личная жизнь окутана туманом, как улицы викторианского Лондона, эта книга раскрывает тайну единственной любви Шерлока Холмса.

Загадочные убийства и зловещие интриги, похищение секретных документов и смертельно опасные погони через лабиринты лондонских трущоб, спиритические сеансы и кишащие привидениями особняки – этот роман следовало бы величать «викторианским детективом в лучших традициях жанра», если бы Ирэн Адлер не доказала, что против

женской интуиции и «женской логики» порой бессилен даже «дедуктивный метод» Шерлока Холмса!

Ранее книга выходила под названием «Смерть на бис. Спасти Шерлока Холмса!»

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 18
Глава третья 31
Глава четвертая 39
Глава пятая 53
Глава шестая 67
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Татьяна Глинская
Единственная любовь Шерлока Холмса

Глава первая
Ночь в Венеции

Карнавал подходил к концу.

Фейерверки еще взлетали в ночное небо, отражались в дешевых блестках и фальшивых бриллиантах, рассыпались множеством крошечных комет, над толпой еще гремели музыка и хохот, но в холодном воздухе уже звенели нотки усталости. Гостей герцога Дикассио – их легко было узнать по обилию настоящих, а не поддельных драгоценностей и изысканности костюмов – пригласили прибыть на прощальный ужин. Они дружно, с шумом и криками, рассаживались в гондолы, которые предоставил любезный хозяин. Замешкалась только молодая дама в домино из бархата фиолетового цвета, подбитого нежно-розовым шелком, – подкладка плаща зацепилась о мраморные перила лестницы. Ей пришлось наклониться, чтобы поправить наряд.

Затем дама торопливо прыгнула в ближайшую гондолу,

отмеченную флагом с гербом герцога. Узкий нос лодки рассек маслянистую темную воду, гондола набирала скорость, с легкостью лавировала по темным протокам, все дальше удаляясь от празднично освещенных палаццо и Большого канала. Пассажиры молчали.

Молодая дама несколько раз нетерпеливо оглянулась, откинула капюшон – черная полумаска подчеркивала нежный оттенок ее кожи и тот особенный цвет волос, который художественные натуры именуют «тициановским». Наконец, она окликнула гондольера:

– Послушайте, синьор! Вилла Дикассио осталась справа, нам следовало повернуть!

– Я плыву, куда приказано…

– Кем приказано? – Эхо подхватывало звук голосов, они звучали как оперный дуэт.

– Тем синьором! – Гондольер кивнул на человека в длинноносой маске Доктора Смерти. Пассажирка оглядела маску и чуть заметно улыбнулась – чего только не случается в карнавальной суматохе:

– Меня намереваются похитить?

Классический карнавальный персонаж склонился в шутливом поклоне:

– Похитить? Только в случае крайней необходимости. – Его итальянский портил скрипучий иностранный акцент. Незнакомец рывком снял маску и отшвырнул в воду. Открывшиеся черты лица оказались почти такими же гротеск-

ными и отталкивающими, как карнавальная личина. Когда человек растянул губы в фальшивой улыбке, молодая дама вскочила, покачнув узкую лодку, и вскрикнула:

– Вы?!? Здесь? Каким образом?

– Да, я сумел разыскать вас среди этого нового Вавилона. Это оказалось довольно сложно, но мне удалось! Ведь я шталмейстер[1] его высочества Вильгельма Сигизмунда фон Ормштейн, князя Кассель-Фельштенского, наследника престола Богемии…

Красавица поджала губы, не дослушав титула:

– Не тратьте время на перечисление всех регалий Вилли. Мы расстались окончательно, и никаких переговоров с ним я вести не буду. Слышите – никаких! Так и передайте его высочеству. – Она гордо вскинула голову и указала гондольеру на ступени, спускавшиеся к самой воде: – Немедленно причальте и высадите меня!

Но навязчивый спутник схватил красавицу за запястье и перешел на немецкий:

– Стойте! Неужели я похож на Купидона или посыльного с любовной запиской? Нет, госпожа Адлер. Переговоров действительно не будет… – Он прошуршал складками карнавального костюма и извлек конверт с гербовой печатью. – Вот. Здесь ордер на ваш арест и просьба к итальянским вла-

---

[1] Шталмейстер – придворный чин, изначально – распорядитель придворных конюшен. Зачастую исполнял более широкие административные функции или являлся доверенным лицом монарха.

стям содействовать в поимке опасной аферистки, воровки, похитившей реликвии монаршей семьи…

– Почему я должна вас слушать?

Молодая дама попыталась освободить руку, но тут подоспели трое безмолвных спутников шталмейстера – под их карнавальными плащами обнаружились красные мундиры итальянских карабинеров.

– Потому что в ордер на арест вписано ваше имя – Ирэн Адлер! Взгляните сами… – Он развернул листок с печатью, сделал карабинеру знак поднести к бумаге фонарь, чтобы означенная в документе преступница, известная под именем Ирэн Адлер – в лодке находилась именно она, – смогла прочитать. Красавица приподнялась со скамьи, всмотрелась в буквы, презрительно улыбнулась и заметила:

– Под документом нет даты, и все, что в нем написано – наглая клевета! Его высочество князь Кассель-Фельштенский собственноручно подарил мне все, что числится в вашей смехотворной описи, – гарнитур с изумрудами, в который входят фермуар, браслет и перстень. Любой суд подтвердит мою правоту…

Шталмейстер хищно ухмыльнулся:

– Дорогая моя Ирэн, единственная причина, по которой на этом документе нет даты – большое сердце его высочества. Добросердечие, в силу которого он сделал вам поистине царский подарок из фамильной сокровищницы, рас-

поряжаться содержимым которой не имел права до момента официальной коронации! Увы – такая слабость может ему дорого обойтись, он далеко не единственный претендент на богемскую корону. Его кузены и конкуренты – Отто и Фридрих – воспользуются скандалом, чтобы лишить нашего Вильгельма прав на престол, они с готовностью отправят за решетку вас обоих. Поймите, как шталмейстер его высочества, я не могу допустить такого развития событий…

Шталмейстер говорил так долго и путано, что небо над городом успело стать светлее, воздух наполнился прохладой. В предрассветных сумерках кожа молодой дамы казалась такой же молочно-белой, как утренний туман. Она зябко закуталась в плащ.

– Но у меня нет драгоценностей… – Красавица скользнула взглядом по карабинерам и быстро добавила: – Нет при себе, я не держу их дома…

– Хранить национальное сокровище Богемии в банке – очень предусмотрительно. Прошу вас, примите еще одно разумное решение, не губите себя и его высочество! Верните драгоценности добровольно… – Похоже, царедворец смягчился и со вздохом добавил: – Верните гарнитур, и мы сможем обсудить вопрос *разумной* денежной компенсации…

Мисс Адлер гордо выпрямилась:

– Я не нуждаюсь в подачках их высочества. Разве я похожа на нищенку? У меня достаточный доход, чтобы о себе позаботиться – я оперная прима! Так что, любезный коню-

ший, – кажется, так называют шталмейстеров в Британии? – о своем решении я телеграфирую… – Молодая дама грациозно подобрала юбки, выбралась из лодки и стремительно исчезла в лабиринте темных улочек. Она действовала быстро и уверенно, опешившие спутники не решились ей воспрепятствовать. Только долговязый шталмейстер запоздало бросился следом, выкрикивая в темноту:

– У вас есть месяц! Я буду напоминать вам, как скоротечно время!

Ирэн вбежала в гостиницу, махнула рукой сонному портье и стала подниматься по лестнице так быстро, что едва не столкнулась с высоким, сутулым человеком. Он пробормотал на английском формальные извинения и зашагал дальше, глядя в пол. Присутствовало в этом типе нечто фальшивое и тревожное. Лицо показалось ей выбеленным пудрой, как у балаганного Пьеро, но черный, наглухо застегнутый сюртук не был похож на карнавальный наряд.

Впрочем, долго раздумывать было некогда – она бросилась к номеру своего импресарио и принялась изо всех сил колотить в двери и кричать:

– Откройте! Откройте немедленно, Сильвио! У меня срочное дело!

Шум всполошил постояльцев, умаявшихся за время карнавала, в коридоре замелькала гостиничная прислуга. Двери респектабельного номера наконец-то отворились – не

слишком, но достаточно, чтобы Ирэн смогла проскользнуть внутрь.

Помпезные бархатные портьеры были опущены, кругом царил полумрак. Солнечные блики, все же осмелившиеся проникнуть в комнаты, скользили по пыльным зеркалам, позолоте и огромному старомодному глобусу, водруженному в центре гостиной, надо полагать, для удобства путешествующих. Рядом высился синьор Сильвио, собственная голова которого была такой же круглой и лысой, как глобус. Он страдальчески массировал виски.

– Сильвио, мне нужен ангажемент! Что-нибудь серьезное на ближайший месяц…

– Душенька, незачем так шуметь. У меня безупречный слух, я работаю с музыкантами. Голова раскалывается. Невозможная ночь… Дикая! Сперва мне колотил в двери один ненормальный англичанин, теперь вы… Быть импресарио – изматывающее занятие, мои нервы окончательно истощены, а нюхательная соль куда-то запропастилась. Стоит на час отпустить прислугу, как все идет кувырком!

Импресарио направился к маленькому столику, уставленному графинами с вином и бокалами, налил себе рубиновую жидкость:

– Хотите кьянти?

Ирэн расстегнула плащ и опустилась в кресло:

– Предпочла бы виски…

– Виски? Нет! Это невозможно… Куда катится мир?

– Сильвио, поверьте, после смерти леди Гамильтон я единственная женщина, которая пьет виски, мир вне опасности! Зато мое благополучие в ваших руках – повторяю, мне нужен ангажемент… Проще говоря – мне нужны деньги, быстро и очень много…

– Я всего лишь хотел сказать, что этот вульгарный англичанин тоже требовал виски – представляете? Неужели мой номер похож на распивочную, рюмочную или паб?

Пока синьор Сильвио бушевал, по лицу его гостьи скользнула тень тревоги, она невольно понизила голос:

– Англичанин был с виду… очень бледный? Весь в черном…

– Бледный? О, нет! Он был здоров, как бык. Едва не вышиб двери тяжеленной тростью. Кричал, что желает сделать предложение миледи Адлер…

– И что же?

– Я ответил, что миледи не расположена вступать в новый брак!

Молодая женщина звонко рассмеялась и вознаградила его воздушным поцелуем:

– Сильвио, вы самый лучший! Хотите стать новым шталмейстером в Богемии?

– Только не говорите мне этого, не говорите! – схватился за сердце экспансивный синьор. – Не может быть, чтобы вы продали побрякушки богемского князька?

– Конечно, нет, Сильвио! Я всего лишь оставила их в за-

лог…

Синьор пододвинул кресло, сел напротив Ирэн и взял ее за руку, проворковал:

– Вы отдали их как залог любви?

– Как залог денег!

– Тогда зачем вам еще деньги?….

– Знаете, в Париже жуткая инфляция. – Ирэн состроила уморительную гримасу. – Биржевой крах и всякая ерунда. Еще у них есть полицейский префект, который похож на канделябр. Они дружно вторглись в мой гениальный финансовый план и все разрушили!

– Святая Дева! Концерты в Париже отпадают. – Импресарио всплеснул холеными марципановыми ладошками и осушил бокал вина. – Боюсь, мне придется осесть в Богемии, инспектировать конюшни и ставить вульгарные опусы Вагнера до самой смерти. Княжество размером с почтовую марку – разве это наш масштаб, душенька?

Ирэн подошла к глобусу, осторожно, одним пальчиком, повернула огромный шар и прищурилась, чтобы лучше разглядеть хитросплетения европейских границ.

– Так хочется вернуться в Варшаву… Помните, как я блистала в Варшавской Императорской опере пять лет назад? Там я стала настоящей примой!

– Пока один остолоп не притащил бомбу в вашу гримерную…

– О! Такой милый юноша, студент, кто мог подумать, что

он окажется анархистом? Как насчет Вены, сеньор импресарио? Акустика в тамошних театрах прекрасная! Мы не появлялись в Австрии целый год, все уже успели забыть про дурацкую дуэль из-за меня…

– Про дуэль наверняка забыли, но супруга директора театра помнит, как вы назвали ее оплывшей свечкой… Ирэн, надо возвращаться на родину. На вашу родину – в Америку, в страну великих возможностей! – Импресарио раскрутил глобус, как карусель.

Ирэн показалось, что перед нею снова поднимается стена океанской воды, над головой трещат корабельные балки, а огромные волны снова и снова смывают ее – маленькую девочку с пышными кудрями – в морскую пучину. Она прикрыла глаза и осторожно опустилась в кресло:

– Нет… я никогда больше не поднимусь на корабль… не смогу пересечь океан…

Импресарио пододвинул своей подопечной бокал с вином. Затем стал обмахивать ее шелковым платком, который материализовал из рукава, как настоящий фокусник:

– Ирэн, а если это будет небольшая, можно сказать, крошечная полоска воды?

– Канал? Озеро?

– Нет…. скорее… река. Такой… мелкий заливчик… Спокойный, абсолютно безопасный, вроде Ла-Манша… Джентльмен, который кричал и шумел, болтал что-то про гастроли в Лондоне… Увы-увы, душенька моя, я не силен в

английском, но сохранил его визитную карточку… погодите… – Синьор Сильвио выловил в обширных карманах бархатного халата лорнет и прочитал: – Тут значится: Чарльз Огастес Милвертон! Агент.

– Значит, Милвертон здесь, и вы молчали?

– Так я сразу же сказал вам! Сказал, что англичанин остановился этажом выше…

– Что вы мне сказали? Сказали, что этажом выше живет человек, который носит титул «короля шантажа»? Который расстроил больше свадеб, чем вы устроили концертов? Разбил больше счастливых семей, чем вы – бокалов? Он очень опасный, коварный и злой человек, Сильвио! Меня жаждет погубить второй негодяй в Европе.

– Бог мой, Ирэн, но кто же тогда первый?

– Префект парижской полиции, разумеется!

– Душенька, этот префект выкован из стали! Мужчина из плоти и крови не устоит перед вашим дивным голосом, перед вашей совершенной красотой и остроумием, – тараторил синьор Сильвио и улыбался все шире. Ему частенько приходилось воодушевлять звезд перед ответственным выходом. – Вы сможете поставить на место любого жалкого шантажиста. Чем он может угрожать вам – отважной леди, которую уже разыскивала полиция трех стран? Причем без всякого успеха – вот так! Я верю в вас!

Ирэн улыбнулась, дружески пожала ладонь импресарио. Затем повернулась к зеркалу, подобрала непокорную пряд-

ку, «примерила» несколько выражений лица:

– Сильвио, вы правы. Рано или поздно найдется человек, который остановит этого мерзавца! Но сейчас придется вступить с ним в переговоры. Вызовите прислугу, назначьте встречу и отправьте ко мне горничную – я буду отдыхать в своем номере…

Действительно, пора было готовиться к новому спектаклю.

Оставшись в одиночестве, синьор Сильвио направился к покрытому китайским лаком секретеру со множеством выдвижных ящичков, в которых он хранил своеобразную картотеку – абсолютно все визитные каточки, сопровождавшие цветы и подарки, которые послали Ирэн поклонники. Он стал перебирать карточки из раздела «британцы», просматривал собственные пометки на обороте, сверялся с генеалогическими справочниками и газетными вырезками, которые хранились здесь же, пока не остановился на прямоугольнике кремового цвета:

«Годфрид Реджинальд Нортон
Адвокатская контора
«Нортон и компаньоны»

На обороте карточки бисерным почерком синьора Сильвио были сделаны следующие примечания – «*кузен лорда Балмора, особняк в Тэмпле, паровая яхта*». Эту последнюю заметку предусмотрительный импресарио дважды подчерк-

нул ногтем и принялся набрасывать текст телеграммы «любезному мистеру Нортону».

Глава вторая
Железнодорожное расписание

Признаться по чести, синьор Сильвио считал, что контракт, предложенный мистером Милвертоном, не так плох. Разумеется, сумма на «дополнительные расходы» могла быть более внушительной, да и концертов предполагалось всего два. Зато по пятьсот фунтов за каждый, причем в весьма респектабельных залах. Но главное – в контракт было включено проживание исполнительницы в отдельном особняке – вилла Брайони-Лодж, а также право без ограничений пользоваться тамошней прислугой и экипажем! Предоставленная без всяких проволочек паровая яхта мистера Нортона тоже отличалась завидным комфортом и скоростью.

Поэтому хандру своей подопечной жизнелюбивый импресарио относил исключительно на счет загадочной болезни – иррациональная мигрень мучила ее во время морских путешествий. Он поторопил горничную, носившую в каюту Ирэн колотый лед, завернутый в свежие полотенца – чтобы прикладывать ко лбу, – и успел заметить, что бедняжка разобрала пышную прическу и лежит, отвернувшись лицом к стене. Затем вернулся к чтению сборника английских детективных рассказов. Весьма увлекательных!

Даже своему верному конфиденту Ирэн не могла рассказать о той части контракта с мистером Милвертоном, которой не нашлось места на бумаге. Стоит ли говорить, что обитый сафьяном футляр, в котором хранились знаменитые «богемские изумруды», успел перекочевать от сомнительного французского ростовщика прямиком в алчные руки мистера Милвертона, и расстаться с этим сокровищем он готов был лишь в обмен на услугу, которую именовал «пустяковой». Мистеру Милвертону требовалось «взглянуть» на чертежи нового линейного корабля, который разрабатывают в Адмиралтействе Великобритании, проектом руководит некий адмирал Армбалт.

Ирэн разрыдалась со всем надлежащим драматизмом и заверила ловкого дельца, что не отличит чертежа корабля от карандашного наброска чайной ложки, как же она сможет узнать нужные документы? Но мистер Милвертон только усмехнулся – проект особой важности хранится в темной сафьяновой папке с названием будущего британского флагмана – «Неустрашимый»[2].

Если леди интересно, «Неустрашимый» – давнее прозвище адмирала Армбалта, которым старикан очень гордится. Тщеславный, как все морские офицеры, он непременно забудет об осторожности и продемонстрирует молодой, пре-

---

[2] «Неустрашимый» – переводится на английский как «dreadnought». Термин дредноут стал использоваться в качестве общего названия для особого вида линейных кораблей только в начале XX века.

лестной, а главное – любознательной особе проект военного монстра, получившего его имя, – мистер Милвертон продемонстрировал завидное знание человеческих пороков и добавил, сурово нахмурившись:

– Мисс Адлер! Я наслышан о вашей резвости и дерзком уме. Так вот – не пытайтесь играть со мной. Не думайте перехитрить меня, у меня повсюду есть глаза, которые будут следить за каждым вашим движением, за каждым вдохом и выдохом! Со мной стоит поддерживать добрые отношения…

Ирэн улыбнулась со всей возможной искренностью и кивнула, хотя была очень встревожена. Она была уверена, что раздобыть секретный документ не многим сложнее любого другого, но очень сомневалась в том, что мистер Милвертон до конца соблюдет условия их неофициального соглашения. Когда имеешь дело с человеком, вознамерившимся перейти от вульгарного шантажа к торговле военными секретами, следует держать в рукаве серьезные козыри. У Ирэн не было политических пристрастий, в газетах она просматривала только те разделы, в которых могли написать о ней – светскую хронику, криминальные сводки и биржевые ведомости!

Ирэн села на узкий диванчик, подперла щеку рукой. Должна быть причина, по которой мистер Милвертон решил отказаться от привычного образа заработка. Очевидно, что ему потребовались деньги. Карточный долг? Неудачная игра на бирже? Губительная страсть? Ей придется раскрыть секреты мистера Милвертона и разыскать его заказчика. Ирэн

вышла из номера, поманила коридорного, сунула мальчишке несколько монеток и принялась расспрашивать. Кто навещал джентльмена, опоздавшего на карнавал, паренек не знал, потому что с остальной прислугой бегал глазеть на праздничное шествие и фейерверк. Пожалуй, никого из прислуги в гостинице не осталось, пожимал плечами собеседник, – нечего здесь было делать. Ведь гости тоже вывалили на улицу. Поистине – нет лучшего места для тайных дел, чем последняя ночь венецианского карнавала!

Зато болтливый коридорный притащил Ирэн пресс-папье, которое потребовал в номер аккуратный мистер Милвертон. Больше никто нехитрым канцелярским приспособлением за последние дни не пользовался. Ирэн срезала нижний слой промокательной бумаги – на ней проступали оттиски столбиков цифр, наползавших друг на друга. Еще можно различить крупно написанную букву «W».

Чтобы разобраться, надо было разглядеть все получше. Она набросила на плечи тальму и с обрывком бумаги в руках направилась в номер синьора Сильвио:

– Мой любезный синьор, одолжите мне вашу лупу и письменный прибор. – Ирэн разложила листок на столе, придвинула лампу, принялась при помощи лупы разбирать и переписывать цифру за цифрой. Импресарио внимательно наблюдал за ее упражнениями, вдруг воскликнул, привычно всплеснув руками:

– Святая Дева! Душенька, вы опять угодили в какую-то

ужасную историю! Я слышал, тайное общество каморра так записывает свои кровавые прибыли и расходы – столбиками цифр с тайным смыслом…

– Откуда в Британии взяться каморре? – фыркнула красавица. – Посмотрите внимательно – больше похоже на записи ставок в карточной игре. Надо же, мистер Милвертон питает слабость к картам. Похоже, он играет в вист, и надеюсь, проигрался до последнего гроша…

– Дайте мне посмотреть, я определю точно. – Импресарио потащил листок к себе и раскрыл лорнет. – Вы умеете делать ставки исключительно на рулетку.

– Какая разница, во что проигрывать?

– О! Как чудесно! Смотрите, здесь еще есть подпись! Напоминает перекрещенные шпаги… Буква в таком стиле могла бы отлично смотреться на афише… Остается подыскать спектакль, название которого начинается с литеры «М».

– С литеры «W»! – Упрямая дама перевернула клочок бумаги. – Было так!

– Ладно, не будем спорить. Главное, не потерять то, что еще может пригодиться, – синьор Сильвио засунул злополучный обрывок в потрепанный справочник железнодорожного расписания. И принялся готовиться к отъезду: яхта уже ждала их в городке Дьеп, чтобы доставить через Ла-Манш прямиком в британский Ньюхэйвен, до Лондона они намеревались добраться на поезде.

Природа – лучший режиссер из всех, кого создавал Господь, – думал синьор Сильвио, когда солнце робко выскользнуло из-за туч и осветило трап. Ирэн спускалась на твердую землю, спрятав руки в огромной меховой муфте, ветерок шаловливо перебирал роскошные перья на затейливо украшенной шляпе. Ее лицо все еще было слишком бледным после морского путешествия, но эта бледность придавала чертам лица античное совершенство. До твердой почвы оставалось всего несколько шагов, когда Ирэн остановилась, приняла из рук элегантного высокого мужчины огромный букет роз.

– Это мистер Нортон, – шепнул ей на ухо Сильвио.

– О! Мистер Нортон, вы само великодушие. Я так признательна за дивную морскую прогулку. – Голос ее звучал глубоко и тепло, переливался тончайшими оттенками звуков.

– Сожалею, что дела помешали мне скрасить ваше одиночество в плавании…

Ирэн поднесла букет к щеке, чуть склонила голову – так она лучше всего выглядит на фотопортретах, и улыбнулась – магниевые вспышки едва не ослепили ее, зато вышло очень эффектно! Благодаря телеграфу разбитной синьор Сильвио успел вызвать в провинциальный портовый городишко целую толпу лондонских журналистов. Конечно, все телеграммы были отправлены газетчикам через подставных лиц, и теперь синьор с возмущением размахивал тросточкой:

– Как эти стервятники могли узнать о приватной поездке? Представляете, совершенно невозможно сохранять ин-

когнито при известности мисс Адлер… Ну, теперь писаки не отстанут – придется распинаться перед ними битый час… – Синьор Сильвио принялся живописать будущие концерты, пока его подопечная, опершись о крепкую руку мистера Нортона, направилась к экипажу.

– Я слышал вашу партию в «Лучии де Ламмермур»[3], это было прекрасно, как ясное августовское небо!

– Жаль, эту оперу ставят так редко. Я признаю заслуги Вагнера и Пуччини, но мне жаль, что они вытесняют со сцены старые милые партии…

Она не успела окончить фразу – невесть откуда перед ними возник мальчуган лет десяти. Обеими ручонками в нитяных перчатках он прижимал к груди крошечного белоснежного щенка. Животное выглядело совершенно несчастным.

– Миледи Адлер, у вас доброе сердце, раз вы певица. – Мальчишка горемычно хлюпнул носом и протянул собачку Ирэн: – Пожалуйста, возьмите маленького песика к себе жить! Иначе школьный сторож его утопит…

– Это недопустимо! – вскинул брови Нортон. – Надо поставить в известность мою тетушку Абигэйл, она учредила «Общество помощи безнадзорным собакам». Поверь, эта дама сотрет в порошок любого, кто топит собак! Где ты учишься, приятель?

– В пансионе для сирот супругов Степлтонов, сэр. Уж луч-

[3] «Лучия де Ламмермур» – опера Гаэтано Доницетти, премьера которой состоялась в 1835 году, позволяет продемонстрировать возможности меццо-сопрано.

ше пусть там ничего не знают, иначе меня здорово выпорют за то, что я сбежал с занятий. Миледи, скорее возьмите песика, а то он совсем замерзнет.

– Бедняжечка, иди ко мне. – Сердце у Ирэн действительно было добрым, она подхватила жалкого кроху и спрятала в муфту, чтобы отогреть, но не представляла, что делать дальше, и оглянулась на мистера Нортона. – Послушайте, Годфри, как поступила бы с щенком ваша тетушка?

– Послала бы прислугу за собачьими галетами, молоком, миской и ошейником.

– Чудесно! Прошу вас – повторите эти слова моей горничной! – Мистер Нортон с готовностью удалился. Мальчишка радостно улыбнулся:

– Спасибо, миледи! Зря тот джентльмен сказал, что на вас нельзя делать ставку…

Ирэн склонилась к мальчику так близко, что перья на шляпе щекотали его щеку:

– Что за джентльмен так сказал?

– Не знаю, – мальчишка пожал плечами. – Просто джентльмен.

– Где ты его встретил?

– Я его не встретил. Я случайно услышал, как один джентльмен в кэбе сказал другому, вроде они напрасно поставили на певичку, которая превращает серьезное дело в балаган. Другой ответил – мол, мисс Адлер – то, что им нужно. Он никогда не ошибается. То есть я не знаю наверняка,

мэм, ошибается он или нет. Просто он так сказал.

– Ясно, дружище. А как он выглядел? Крупный такой, с толстой тростью?

– Мне было не разглядеть. – Мальчик почесал голову под фуражкой. – Пожалуй, один из них школьный учитель…

– Учитель? – ахнула Ирэн.

– Угу. У него рукав был испачкан мелом. Я видел, когда он приподнял шторку и указал на вас, миледи… Заметил я мел и скорей дал оттуда деру…

– Он носит перстни? Может быть, часы на запястье?

– Только красивые перчатки из черной кожи.

Добросердечная «миледи» протянула мальчику полгинеи:

– Держи, приятель! Купи себе новые перчатки.

Поезд миновал станцию за станцией, колеса постукивали в строгом соответствии с железнодорожным расписанием. Британский остров застрял между зимой и весной, и за окном мелькали скучные, мокрые пейзажи. Спускались по каналам угольные баржи, чернели голые ветви над размокшими пустошами, редкие прохожие прятались под черными зонтами. Мокли под струями дождя валуны, сохранившиеся от построек римских завоевателей, и руины католических монастырей, разрушенных неукротимым королем Генрихом VIII, кельтские дольмены – каменные столбы, которые обожествляют современные лондонские спириты, – обо всех этих предметах мистер Нортон знал массу увлекательных и

забавных историй. Ирэн смеялась от души, а синьор Сильвио так и сидел, уткнувшись в сборник детективных историй. Только острые шпили соборов противились дождю, царапали грузные тучи, в рваных ранах проглядывало голубое небо.

Катастрофа разразилась на подъезде к Кентербери. В купе заглянула горничная, на щеках у простой ирландской девчушки пылали пунцовые пятна.

– Срам сказать, срам сказать, – бормотала она, – что негодный пес сотворил с муфтой леди! Сами смотрите…

Фуууууууу…

Ирэн поморщила нос и приказала вышвырнуть пострадавший предмет прочь без всякого сожаления. На ближайшей длительной стоянке горничная отправилась купить плетеную корзину и газеты для лучшего обустройства маленького негодника.

Ирэн очень беспокоилась, что бедняжка отстанет от поезда, вышла на перрон, теребя в руках томик железнодорожного расписания, – наблюдала, как по соседней колее промчался бойкий экстренный поезд, состоявший всего из трех вагонов. Одновременно с ним на перрон вбежали два джентльмена. Номер первый, с простым, открытым лицом и остриженными на армейский манер усиками, прихрамывал и изрядно отстал от своего спутника. Номер второй – с весьма эффектным профилем, в крылатке и клетчатом кепи – бежал

так быстро, как будто всерьез рассчитывал догнать набиравший ход поезд. Ирэн невольно улыбнулась.

– Где начальник станции? Мне срочно требуется экстренный поезд… Маневровый паровоз, дрезина! Воздушный шар – черт подери! Что-нибудь, на чем можно быстро добраться до Лондона! – кричал тот, что был в крылатке.

– Отчего бы вам, господа, не воспользоваться этим лондонским экспрессом? – заметила Ирэн. Ей почему-то захотелось помочь опоздавшему джентльмену в кепи. Но вместо того чтобы выразить признательность за совет, незнакомец прошил ее острым, холодным взглядом и ответил с крайним раздражением:

– Мисс, не имею чести знать вашего имени, но, вероятно, вы понятия не имеете о средней скорости экстренного поезда и о том, сколько времени теряет обычный экспресс на каждой стоянке? Вы полагаете, что поезда предназначены исключительно для прогулок. Разумеется – светские рауты, музыкальные салоны, Рождество в Париже, потом масленичный карнавал в Италии…

– Но как вы узнали, где я провела Рождество? – неподдельно изумилась Ирэн.

– Своеобразный акцент, избыток жестикуляции… Впрочем, достаточно рассмотреть вашу одежду, сохраняя дисциплину ума.

Мисс Адлер взглянула на свое отражение в окне вагона – на ней был подобранный по последней моде туалет и легкое

манто, отороченное горностаем. Ее новый знакомый продолжил говорить, раскуривая трубку:

– Платье непривычного покроя и расцветки на леди, судя по драгоценностям, не испытывающей финансовых трудностей, означает, что такой фасон лишь входит в обычай, и, вероятнее всего, был приобретен в модной столице – Париже. Кроме того, ваш наряд, слишком открытый и легкий для британской погоды, в сочетании со здоровым цветом кожи заставляет предположить – вы только что прибыли из местности с более мягким и благоприятным климатом. Вспомним, где развлекались праздные господа последнюю пару недель? Разумеется, на одном из итальянских карнавалов…

Упоминание «праздных господ» заставило Ирэн поджать губы, жестом подозвала мальчишку-газетчика, выдернула газету у него из рук и развернула перед человеком в крылатке страницу с собственным портретом:

«Гастроли оперной дивы. Ирэн Адлер – лучший голос Европы, представит в Британии всего два концерта!»

– Итак, вы успели прочитать новости о моем британском турне и считаете, что исполнять оперные партии – легкий труд? Позвольте теперь и мне угадать – кто вы, мистер. Вероятно, дамский портной? Так хорошо разбираетесь в платьях… – Ирэн поправила шляпку. – Или скорее шляпник? Меховщик?

Мистер Нортон, следивший за их пикировкой через открытое окно, был уже не в силах сдерживать улыбку, высу-

нулся наружу и обратился к господину в крылатке:

– Простите, мистер Холмс, но вам действительно стоит отказаться от привычки просматривать в газетах исключительно криминальную хронику! Мисс Адлер, позвольте представить вам Шерлока Холмса, самого экстравагантного частного сыщика в Британии!

Синьор Сильвио, с неожиданной для человека с его комплекцией прытью, выскочил из вагона с книгой в руках и бросился к спутнику мистера Холмса:

– Доктор! О какой восторг! Доктор Ватсон, ваши замечательные детективные истории, от которых невозможно оторваться! Благодаря этим рассказам я очень усовершенствовал свой английский. Пожалуйста, подпишите, – он сунул в руки смешавшемуся доктору книгу и грифельный карандаш. – Хе-хе-хе! Не так часто импресарио приходится просить автограф! Ирэн, душенька, вы тоже обязательно должны прочитать о дедуктивном методе…

– Ни-за-что! Лучше я буду читать железнодорожное расписание… – Ирэн поправила в книге импровизированную закладку и поднялась в купе.

Глава третья
Шелковая паутина

Экипаж то и дело застревал в уличных заторах – огромный город словно проверял новых обитателей на крепость. Миллионы конских копыт, подошв, колесных рессор опускались на мостовые каждую секунду, из вентиляционных решеток подземки вырывались клубы пара, грохот и скрежет, перепуганные лошади пятились назад, увеличивая уличную давку. Город, похожий на гигантскую паутину, сплетенную, чтобы ловить робкие души, подавлял своими размерами. Красный кирпич сменялся серым камнем, стены улетали вверх все выше и смыкались над головой, закрывая небо.

Туман просачивался сквозь каменные каньоны улиц и превращал город в обманку – респектабельные, освещенные тысячами фонарей проспекты с банками, конторами и роскошными витринами упирались в темные и жуткие кварталы трущоб, тротуары терялись среди луж и сточных канав, от речной воды тянуло смрадом, а от приземистых портовых складов – протухшей рыбой. Повсюду сновали уличные торговцы, разносчики, девицы кривили накрашенные губы, заманивая простачков, а грабители и карманники орудовали, абсолютно не страшась быть «*удушенными за шею до самой*

смерти»[4] за свои преступные деяния. Фабричные и каминные трубы извергали столько гари и копоти, что влажный воздух казался горьковатым на вкус.

Среди этого адского нагромождения людей, механизмов и сооружений тихое и благополучное предместье Сент-Джонсвуд казалось райским уголком, а вилла Брайони-Лодж, на которой Ирэн предстояло провести ближайший месяц, была настоящей жемчужиной всего квартала. Компактное двухэтажное строение отличалось комфортом и изяществом обстановки. К стене дома примыкал каретный сарай, в котором держали экипаж и пару лошадей. Позади виллы располагался милый маленький садик – большая роскошь по лондонским меркам.

Но все это благообразие казалось Ирэн фальшивым – она чувствовала себя мышкой, запертой в обитом атласом ларчике с кусочком сахара. Дом сняли тоже через посредника – так и не удалось выяснить, кто его настоящий наниматель и во сколько ему обходится содержание райского уголка. Всю многочисленную вышколенную прислугу, включая грумов и посудомойку, наняли через агентство. Любой из этих людей мог оказаться «глазом и ухом» мистера Милвертона – Ирэн постоянно чувствовала на себе чужой, липкий взгляд, кто-то неотступно следил за ней, даже во сне.

Оставаться в доме на положении запутавшейся в паутине

---

[4] «…будет *удушен за шею до самой смерти*» – стандартная формулировка в приговоре о казни через повешенье.

мухи было невыносимо для независимой натуры Ирэн. Следующим утром она поднялась раньше обычного и помчалась в места известные и оживленные: ювелирные лавки, шляпные мастерские, перекусила в модной кофейне. И всюду она затылком чувствовала взгляд неведомого соглядатая! Такой тяжелый, что молодая дама невольно опускала плечи. Одного за другим она отправила в Брайони-Лодж мальчишку-посыльного и двух горничных, груженных шляпными коробками и свертками с покупками. Хотя ни накидка из ирландского кружева, ни муфта из русских соболей не улучшили ее настроения.

Оставшись одна, Ирэн направилась к Лоусерскому пассажу, стала плавно двигаться в бесконечном людском потоке и обдумывать свое незавидное положение.

У самого выхода ее тихонько окликнули:

– Мэм?

Ирэн не остановилась, не оглянулась, ее нервы зазвенели как струны. Но неприметный человек нагнал ее, без церемоний сунул в руки бумажный конверт, на котором было наклеено ее имя – Ирэн Адлер, вырезанное из газетной статьи! Конверт не был запечатан, в нем лежала аукционная табличка с номером «28». Ровно столько дней осталось до срока, предоставленного ей шталмейстером, чтобы вернуть драгоценности. Ирэн топнула ногой и, расталкивая толпу, бросилась следом за посыльным к выходу, но так и не сумела его догнать.

Рядом с пассажем торопливо проходили десятки мужчин в одинаковых темных пальто, их хмурые лица различались так же мало, как котелки на головах. От бессилия и обиды Ирэн вытащила из сумочки самый тяжелый предмет – серебряную пудреницу – и запустила ею в спину мужчины – как ей казалось, того самого:

– Ненавижу!

Она промахнулась. Пудреница звонко ударилась о стойку лотка, на котором торговали открытками с фотографиями модных танцовщиц, шансонеток и актрис. Стопки фотографий писклявой Лины Кавальери и сухопарой Сары Бернар посыпались на мостовую, под ноги прохожим. Рядом захлопали в ладоши:

– Браво! – закричала молоденькая девушка, мужская клетчатая кепка с трудом удерживалась на ее рыжих кудряшках. Локтем девушка прижимала к себе внушительных размеров зонт. Она подошла к Ирэн и свободной рукой протянула ей буклет «Лига женского голоса». – Присоединяйтесь! Как только нас изберут в парламент, мы сразу же запретим такие открытки. Продавать их – все равно что торговать женским телом. Торговля людьми – это преступление!

Носком ботинка Ирэн поддела снимок Кавальери и утопила в жидкой грязи. Недалекая, вздорная девица сейчас голосит ее любимые партии в лучших парижских залах. Ноздри певицы трепетали от возмущения:

– Милочка, это хуже чем преступление – это пошлость!

– Хорошо сказано, мисс Адлер! Кто может не узнать ваш дивный голос? – К девушке присоединился лощеный мужчина, вынул из петлички гвоздику пронзительного лимонного цвета, протянул Ирэн, приподнял цилиндр, подобранный тон в тон к цвету перчаток, галантно поцеловал руку и представился: – Оскар Уайльд, давний поклонник вашего таланта. Мистер Сильвио просил встретить вас у пассажа и рассказать о Лондоне. Я немного задержался из-за этой юной леди. Знакомьтесь – моя троюродная кузина Памела Пристли. В детстве она была жуткой толстухой, а сейчас – суфражистка. В остальном она – девушка, не стоящая внимания!

Девушка вспыхнула до корней волос:

– Я идейно против любых гендерных определений!

– Как же прикажешь тебя называть – особь или существо? Пусть будет «существо». Существо, не стоящее внимания. Хотя убедить в этом полицию было не просто…

– Спасибо, что выручил меня и забрал из участка, Оскар!

– Я всего лишь пытался сохранить за собой титул главного скандалиста в Лондоне, – рассмеялся писатель и предложил милым леди прогулку по парку в своем ландо. Но юная Пэм отказалась – ей надо готовиться к завтрашнему пикету. Соратницы собирались дать бой лицемерной благотворительности леди Абигэйл. Каждую зиму в одном только Лондоне сотни безнадзорных детей погибают от голода и холода, а леди устраивает аукцион, чтобы собрать средства на мраморный дворец и атласные подушки для собачек!

Они высадили кузину у офиса «Лиги женского голоса» и продолжили прогулку вдвоем. Мистер Уайльд был прекрасным рассказчиком, осведомленным о лондонском свете, полусвете и даже той изнанке жизни, заглядывать на которую джентльмену из общества категорически не следует!

После второго круга по парку Ирэн уже знала, что лондонский свет изъеден модой на спиритизм, как старинный секретер древоточцами. Тон задает «премудрая сова» – мадам Блаватская. Ее ближайшая наперсница – леди Абигэйл – помешана на благопристойности, как кобра, пережившая свой яд. Адмирал Армбалт – старый осел, возмечтал жить вечно и проводит в рабочем кабинете куда меньше времени, чем в кружках спиритуалистов и эзотерических салонах. Пришлось обзавестись кольцом Исиды, – мистер Уайльд продемонстрировал Ирэн перстень в форме скарабея, – чтобы противостоять этой эпидемии. Похоже, представления медиумов и прочих духовидцев привлекают столько народу, что скоро некому станет ходить на театральные премьеры!

Ирэн была в восторге от своего нового знакомого:

– Оскар, я обожаю ваши пьесы, но рассказчик вы – во сто крат лучший.

– Я дитя Лондона, и поверьте, знаю этот город лучше, чем собственный гардероб!

– А что скажете про мистера Милвертона? – Ирэн потеребила муфту, подбирая подходящие слова: – Ему тоже ворожат медиумы? Слышала, он удачливый игрок…

– Самый удачливый игрок – тот, кто менее ограничен в средствах, – язвительно заметил Уайльд. – Богатые проигрывают много, а бедные – все, что имеют!

– А кто же тогда остается в выигрыше?

– Вы экстраординарная женщина. – Писатель снова коснулся губами ее перчатки и посерьезнел. – Почему я никогда не смотрел на игру под таким углом, хотя состою во всех сколько-нибудь достойных клубах – Болдвин, Уайтс, Ватье и Багатель… За карточным столом мистер Милвертон сильный противник. Но выигрывает обычно мистер Холмс – обладатель холодного аналитического ума.

– Мистер Холмс – частный сыщик? – Щеки Ирэн порозовели.

– Сыщик? Нет, мистер Холмс служит короне… Кажется, его младший брат имеет такое экстравагантное хобби, как частный сыск, но редко появляется в свете. Далее – младший Адэр – вице-председатель в клубе Багатель, лорд Харди, полковник Моран, мистер Нортон – слишком безупречный джентльмен, чтобы проигрывать… – тут Уайльд на мгновение замолчал и покачал головой. – Хотя… все эти джентльмены… Они стабильно выигрывают скромные суммы. В последнее время исчезли яркие игроки. Наши карманы опустошают люди, чьи лица забываются еще быстрее, чем имена. Что-то изменилось в клубах, нет больше старого британского духа. – Он говорил с эффектными паузами и интонациями, как актер, исполняющий монолог. – За последний год Лон-

дон стал другим – злым, враждебным, как одичавший пес. Только и хочет урвать…

Даже там, на самом дне, куда я порой опускаюсь, чтобы отдохнуть от напыщенных снобов и проникнуться духом авантюризма, все стало предсказуемо, как в конторе! Уличные акробаты выступают в определенные часы. Если в опиумных курильнях задирают цену – то всюду разом, до последнего грошового притона. Скупщики краденого стали давать одни деньги за одинаковый товар – на зависть торговым биржам. Карманники и шлюхи решили работать по разные стороны улиц. Даже нищих встречаешь в одних и тех же местах. Подобных мелочей великое множество – как будто кто-то постоянно следит за нами, сразу за всем, и по кусочкам берет под контроль нашу жизнь…

Ирэн горячо согласилась:

– Да-да! Я тоже чувствую его… Ужасный чужой взгляд, следит за мной, как за мошкой в липкой паутине!

Уайльд перевел взгляд на быстрый ручеек, убегавший туда, где реальность смешивается с игрой ума:

– Больше похоже на лабиринт. Хитросплетение серого камня, выстроенное по совершенной математической формуле. Лабиринт, из которого невозможно ускользнуть.

Глава четвертая
Нашествие призраков

Синьор Сильвио был счастлив, когда его подопечная вернулась с прогулки раскрасневшейся и повеселевшей, перешла на итальянский – язык, который предпочитала прочим, когда была в добром расположении духа, – и принялась отдавать распоряжения:

– Платье от Ворта уже прибыло?

– О – да! Божественное, божественное – создано ангелами из тумана и лунных лучей! – засуетился синьор Сильвио. – Идеально для премьеры…

– Я надену его завтра, на благотворительный аукцион леди Абигэйл.

– Но вы не получали приглашения на это действо…

– Поэтому свяжитесь с леди Абигэйл. – Ирэн открыла ларец индийской работы, перебрала драгоценности. – Сообщите, что я дала кров бездомному щеночку и хочу передать для благотворительного аукциона жемчужное колье с камеей…

– Как? – ахнул Сильвио и отдернул холеную ладошку от ручки телефона. – Душенька, сейчас это единственная подлинная драгоценность в вашей коллекции. Будет достаточно, если вы просто споете на этом действе…

– Нет, Сильвио, я должна войти в их круг как настоящая

леди! Пусть знают, что имеют дело с равной, а не с жалкой комедианткой… Кстати, вы когда-нибудь слышали о спиритизме?

– Я – католик. – Сильвио выразительно возвел глаза к небу, но вместо абриса Святой Девы обнаружил над головой только люстру и потолок с лепкой в стиле братьев Адам[5], добавил: – Мальчуганом я работал в цирке-иллюзионе, меня запихивали под круглый столик, оттуда я изображал голоса духов… – Он издал меланхолическую трель.

– Без промедления отправляйтесь за реквизитом, я сама поговорю с леди!

Легкий, изящный особняк леди Абигэйл в день аукциона был похож на прогулочную яхту, заброшенную тайфуном в ревущие сороковые широты. Дамы из «Лиги женского голоса» подвергли его осаде, рассчитанной по всем правилам военной стратегии. Первым делом они перекрыли подъездные пути к дому, затор превратил близлежащий квартал в сплошное дорожное происшествие. Многим гостям аукциона пришлось выбираться из экипажей и преодолевать последние футы до особняка пешком, сутулясь под градом комьев земли, кусков угля, открытых флаконов с краской и чернилами, которые швыряли в меховые одеяния отчаянные суфражистки. Аристократичные леди прижимали к груди, прикрывали рукавами и накидками крошечных собачек, а прислуга пыталась спасти от метательных снарядов самих хозяек.

---

[5] Братья Адам – именитые архитекторы середины XIX века.

Полиция запаздывала.

Зато журналисты уже расставляли треноги с фотографическими аппаратами, уличные мальчишки гроздьями висели на фонарных столбах, свистели и улюлюкали. Над хаосом звенел голос рыженькой мисс Пэм. Она забралась на крышу экипажа, кричала и свирепо размахивала зонтом:

– …Посмотрите на этих так называемых «защитников животных»! Они сотнями убивают беззащитных лисиц ради забавы! Охотники – позор Британии! Ради модных манто и шубок они поощряют убийство горностаев, соболей и бобров…

Экипаж мисс Адлер с трудом протиснулся через боковые улочки и замер у бокового входа в дом, как раз когда прибыла полиция и разразилось настоящее побоище. Полисмены пытались оттащить дам, вцепившихся в прутья забора. Воинственные дамы колотили «бобби» без всякой жалости тяжелыми зонтами, тростями и сумочками, в которые заранее спрятали кирпичи и камни. Оступившегося полисмена свалили на землю и начали пинать ногами, чтобы отбить бедолагу, его коллеги ринулись в атаку, орудуя дубинками. Извивающихся арестанток волокли по мостовой, их подолы мгновенно пропитывались жидкой грязью, затем запихивали в полицейские фургоны.

Прохожие обходили место битвы стороной, сохраняя нейтралитет. Только молодой человек в форме морского офицера попытался вклиниться между мисс Пристли и полицей-

ским и растолкать их в разные стороны, как рефери разводит боксеров на ринге. Но бойкая Пэм и не думала благодарить своего заступника, а в пылу схватки наградила его коротким, хорошо поставленным ударом кулака.

На скуле у молодого человека расплылось алое пятно.

Затем суфражистка ухитрилась швырнуть дымовую шашку и пыталась ускользнуть в клубах дыма. Ирэн выглянула из экипажа и сделала девушке знак, подхватила под локоть, когда она оказалась достаточно близко:

– Сюда, скорее забирайтесь внутрь! Иначе снова окажетесь в полиции!

Мистер Уайльд, прибывший на светское мероприятие вместе с Ирэн, критически оглядел помятую в битве «воительницу», заметил тоном светского человека:

– Пэм, милочка, вы только что подбили глаз лейтенанту Вудли, для офицера британского королевского флота это бесчестье! Иначе говоря, вы лишили его чести, знаете, что происходит в таких случаях? Порядочный джентльмен женится. Считаю, что как лицо, отстаивающее женское равноправие, вы тоже должны вступить с Вудли в брак!

Ирэн рассмеялась:

– Оскар, вы вогнали бедную девушку в краску! Мой кучер вывезет Пэм в местечко поспокойнее, только не выглядывайте наружу, дорогая… Нам же с мистером Уайльдом придется поторопиться, аукцион вот-вот начнется…

Гостиная леди Абигэйл, где в сезон устраивали пышные

балы, сегодня была отдана четвероногим питомцам – маленьких собачек и кошек демонстрировали прямо в корзинах или на атласных подушечках. В просторных клетках можно было наблюдать животных более экзотичных – мартышек, попугаев, медвежонка, сонного питона, несколько ядовитых змей. Леди Абигэйл охотно рассказывала всем желающим, как спасала этих несчастных из рук бродячих циркачей и побирушек.

Собаки покрупнее дефилировали рядом с владельцами по ковровой дорожке зеленого цвета, которую леди Абигэйл заказала специально для этого случая. Псы демонстрировали знание команд, гости аплодировали, лучших удостаивали наград – розеток, сахарных кубиков и кожаных ошейников.

В музыкальном салоне под сухой стук молоточка аукциониста распродавали замечательные украшения, китайские вазы и старинные безделушки, собранные леди Абигэйл у сердобольных жертвователей.

Жаль, у Ирэн сейчас не имелось свободных средств, чтобы заглянуть туда. Зато она гордо пронесла по «дорожке славы» своего миловидного щенка. Сухопарая дама в темном вдовьем платье – сама леди Абигэйл – вручила ему розетку и признала малыша достойным членом общества, куда лучшим, чем те, на улице!

Часть гостей наблюдала за догорающей баталией через окна.

Мисс Адлер присоединилась к ним, белокурый морской

офицер, вступившийся за Пэм, тоже смотрел на улицу и вздыхал:

– Печально…

– Скорее возмутительно! – посуровела леди Абигэйл. – Я сама наблюдала, как у одной дамы, там, на улице, нижняя часть платья приняла совершенно неподобающий вид, открыв все, что леди не демонстрирует даже собственному мужу – все, абсолютно все, что продают в галантерейных лавках и чего нельзя назвать в приличном обществе…

Но молодой человек только фыркнул:

– Печально, что я не прихватил бинокль! Там попадаются миленькие. Как по мне, миледи, лучше отправить этих дамочек в парламент. Заторов в городе будет меньше, а от парламента все равно никакого проку, как любит повторять наш «неустрашимый лорд».

– Вы говорите об адмирале Армбалте? – заинтересовалась Ирэн. – О! Вам наверняка доводилось сопровождать его в морских баталиях?

– Увы, Британия не участвовала в больших войнах со времен Крымской кампании. Так что я вынужден довольствоваться должностью секретаря, и главная баталия, которую ведет наш адмирал, происходит между нашим адмиралтейством и министерством финансов. Адмирал вечно требует средства на новые проекты, парламент вечно ему отказывает. Тоскливое занятие. – Лейтенант Вудли придвинулся к ней так близко, как позволяли приличия, шепнул: – Надо

быть последним ослом, чтобы расхваливать старого волокиту самой красивой женщине Лондона.

Ирэн поправила кокетливый локон, она наблюдала, как у входа остановился запоздавший экипаж, лакеи помогли выбраться грузной даме и провели ее в дом.

Корзина с щенком перекочевала в руки Сильвио, тем временем Ирэн успела что-то шепнуть итальянцу на ухо.

– Мисс Адлер, дорогая, – позвала леди Абигэйл, – пойдемте в музыкальный салон, я вас представлю своей особенной гостье…

Ирэн сделала несколько шагов в салон, покачнулась, музыкально вскрикнула и провела рукой по лбу, как бы стряхивая тяжелое наваждение, простонала:

– Я чувствую… приближение… эманации духов…

По музыкальному салону пронесся леденящий душу сквозняк – *десять шиллингов служанке, которая распахнула пару окон*. Сразу же в зале сгустилась тьма – *еще по пять пенсов за каждую потушенную лампу двум лакеям* . Сумрак наполнился запахом ладана – *это вещество Ирэн неприметно зажгла в оставшейся лампе сама*.

Гости, перешептываясь, устремились в салон, где Ирэн медленно опустилась на диванчик, словно окутанная потусторонним светом и волнами роскошных волос, – ее волосы были собраны в простой, но эффектный узел. Ирэн неприметно вытащила единственную шпильку, которая его удер-

живала, и локоны живописно рассыпались по ее плечам, подушкам и спинке диванчика.

– …потусторонний мир раскрыл мне объятья… послание… – Никто не решался подойти к ней близко, но похожая на сову дама протиснулась поближе, рядом с ней стоял бледный лейтенант. Она раскачивалась из стороны в сторону и мелодично напевала, – страшное послание… для неустрашимого… они хотят забрать его душу… измена, предательство – повсюду… уносят его жизнь… передайте ему… передайте…

В заключение Ирэн изогнулась дугой, издала пронзительный высокий звук и рухнула на диванчик лицом вниз, из ее рта хлынула странная, искристая субстанция… Точнее сказать, этой субстанцией фокусники и клоуны пользуются, чтобы пускать мыльные пузыри на представлениях. Пена переливалась всеми цветами радуги, изображая мистическую «протоплазму», о природе которой столько споров в эзотерических кругах. Припадок вышел весьма эффектным, несколько секунд в комнате висела тишина. Потом зашумели все сразу:

– Воды! Доктора! Света!

– Пропустите, я врач. – Доктор Ватсон устремился к ней через толпу. Его приятель-сыщик остался у витрины с аукционными лотами, но не сводил глаз с Ирэн.

– Она умирает, – завопил синьор Сильвио, – помогите же! – и повис на шее у доктора, так что тот не мог сделать ни

шагу дальше. Наконец, на диванчик опустилась тучная дама – в кружевном шарфе, наброшенном на волосы, она была так похожа на сову, что Ирэн с трудом сдерживала улыбку. Сама мадам Блаватская пришла ей на помощь!

– Врач ей только повредит, – уверенно объявила мадам. – У леди открылись способности медиума, такое часто случается в моем присутствии.

Она что-то пробормотала и простерла руку над головой Ирэн, та медленно открыла глаза и приподнялась, ей подали воду, кто-то вложил в руку платок.

– Где я? – слабо простонала она.

– У вас уникальные способности духовидца, их надо развивать!

– Ничего не помню…

– Это естественно! Я успела зафиксировать ваше послание, мне частенько приходится иметь дело с медиумами и протоплазмой. – Ирэн смахнула с платья остатки пены, потом встряхнула платок и обнаружила, что в центре углем написано число «27», а в уголке вышита монограмма – литера «W» из перекрещенных сабель.

– Послание от духов. Материализовалось! – победно сообщила мадам Блаватская.

Для одного дня это было уже слишком – Ирэн отшвырнула платок, завопила во всю мощь голоса и лишилась чувств…

Она окончательно пришла в себя, когда экипаж петлял по Серпентайн-авеню. Синьор Сильвио ободряюще похлопал ее по запястью:

– Знаете, душенька, как на мой артистический вкус, второй обморок был лишним!

– Что?!? Вы бы видели этот кошмарный платок!

– Видел, да. Я видел даже больше – как мистер сыщик прикарманил ваш платочек! Вы бы видели, с какой миной он это сделал, поставлю три гинеи – он влюблен в тебя как мальчишка!

– Глупости, – отмахнулась Ирэн. – Скорее он что-то пронюхал про мистера «W». – Пальчиком она начертила загадочную литеру в воздухе. – Но мы тоже кое-что про него знаем! Он пользуется носовым платком – значит, он человек из общества, а поскольку платок мужской – он мужчина. Платок очень дорогой – значит, наш мужчина состоятельный. Остается выклянчить у старушки Абигэйл список гостей, и узнаем, у кого подходящие инициалы. Верите, что я смогу утереть нос гениальному сыщику?

– Ну, нет, душенька, вам незачем соревноваться с этим сыщиком. Поверьте моему опыту – он уже влюблен в вас с той минуты, как увидал на железнодорожной станции. Уж я-то могу отличить влюбленного от обычного поклонника! Пока вы чихали над ароматической солью, я кое-что разузнал. Леди Абигэйл не верит в благородство человеческой натуры и пригласила мистера Холмса присмотреть за драгоцен-

ностями во время аукциона.

– Надеюсь, адмиралу поведают о происшествии как минимум двое – мадам Блаватская и его красавчик-секретарь?

– Что вы! – расхохотался синьор Сильвио. – Весь Лондон будет неделю говорить только об этом, а старый осел адмирал завтра же пришлет вам приглашение на чай!

Ирэн чмокнула импресарио в щеку, а щенка в нос. Сейчас она мечтала только об одном – приказать согреть воды, умыться и уснуть.

Но не успела ее голова коснуться подушки, как в окне спальни появился бледный силуэт – призрак качнулся, раздался мерзкий скрежет, затем стук. Ирэн зажала рот, чтобы не закричать. Но виденье даже не думало растаять в воздухе.

Пришлось выскользнуть из кровати, набросить японский халат и двинуться к окну. Если посмотреть в глаза своему страху, он исчезнет!

Но этот страх не исчез, а обрел плоть и кровь – на карнизе у окна стоял мистер Уайльд. Узнать его было тяжело – без шляпы, волосы растрепаны, щегольское пальто в потеках грязи, а глаза помертвели. Ирэн торопливо раскрыла створку и втащила его внутрь, опасаясь, что экстравагантный литератор свалится с карниза и расшибется.

Он кулем свалился на пол и сидел без единого звука или движения. Ирэн прокралась по коридору, растолкала импресарио – единственного человека в доме, которому она пол-

ностью доверяла. Объединив усилия, они влили в ночного гостя две пинты ирландского виски. А когда его щеки порозовели, а в тело вернулась жизнь, он поведал историю, уснуть после которой было уже невозможно.

Итак, под впечатлением от разговора с Ирэн мистер Уайльд предложил вице-председателю клуба «Багатель», мистеру Адэру, понаблюдать за «безымянными везунчиками» во время крупной игры, поскольку «Багатель» единственный из респектабельных клубов, где практикуют анонимное членство.

Вероятно, наблюдения принесли плоды. После игры Адэр истребовал «Закладную книгу», куда записывают пари, заключенные в клубе, и уединился в библиотеке. Вечером мистер Уайльд получил записку с просьбой зайти к Адэру домой на Парк-Лейн в любое время суток. Адэр предусмотрительно сообщал, что оставит открытой дверь черного хода, чтобы гость не разбудил домочадцев. Отыскать дом легко: ровно напротив черного хода располагается темная руина – «дом москательщика». Хозяин дома внезапно исчез много лет назад, с тех пор особняк пустует и пользуется у местных жителей дурной славой.

Мистер Уайльд благополучно добрался до Парк-Лейн и по дорожке направился к черному ходу. В кабинете Адэра горел свет, сам молодой человек заметил гостя, подошел к окну, поднял створку и махнул рукой. В эту секунду произошло нечто, объяснения чему не может найти самая болезненная

фантазия.

Голова мистера Адэра взорвалась изнутри.

В его лбу возникла зияющая дыра, брызнула кровь, он выпустил створку, завалился назад, окно захлопнулось с резким хлопком. Мистер Уайльд готов был звать на помощь, оглянулся и увидал, как в зияющих провалах окон дома напротив мелькают призрачные зеленоватые шары. Один такой шар выплыл и завис над запущенным садиком, потом полетел прямо на него. Неведомая сила сорвала цилиндр, трость вывалилась из рук. Онемев от ужаса, он побежал, не разбирая дороги, и пришел в себя только в предместье. Бросился к единственному знакомому дому и, как сомнамбула, взобрался на крышу каретного сарая, затем сделал несколько шагов по карнизу.

Сейчас он понимает, почему оказался именно здесь – Ирэн вызвала его силой мыслительной энергии, она великий медиум! Певица и импресарио молча переглянулись.

Чтобы не шуметь, гостя устроили на козетке в будуаре, укутали пледом.

Из кармана у него вывалилась пустая склянка цвета кобальта, синьор Сильвио со знанием дела вытряхнул оставшуюся каплю на палец, понюхал, критически взглянул на провалившегося в небытие литератора:

– Настойка опия. Говорят, помогает от нервных болезней, но если принять слишком много, вызывает весьма причудливые видения. Надеюсь, Оскар проснется и превратит свои

кошмары в отличную мистическую повесть. Мы можем отправляться вздремнуть…

Глава пятая
Бремя светской жизни

Ирэн выбралась из постели около полудня, но все равно чувствовала себя истерзанной, как после провалившейся премьеры. Первым делом потребовала кофе и утренние газеты.

– А цветы, что прислали, куда прикажете поставить? – уточнила горничная.

В сером и мокром Лондоне так хочется яркого цвета, свежего запаха лета, цветы – единственное спасение! Ирэн моментально повеселела, потребовала утреннее платье и заторопилась в гостиную – расставлять букеты: белоснежные розы мистер Нортон присылает ей каждое утро, томные камелии – от белокурого лейтенанта Вудли.

Ирэн осторожно поставила их в прозрачную вазу – глаза у мальчишки отталкивающего водянистого цвета, хотя сложен он атлетически и, вероятно, прекрасно танцует. Она улыбнулась – нужды поступать в кордебалет у него точно не будет. Милейшая леди Абигэйл успела шепнуть ей, что находит лейтенанта перспективной партией. Он член семьи лорда Ричарда Чизвита – влиятельного политика, чье состояние внушало уважение даже ее покойному супругу. Титулы сэра Ричарда не умещаются на визитной карточке, но сам он не

обременен излишками сословных предрассудков. Печально, что лорд серьезно болен, поговаривают – одной ногой в могиле.

Ирэн отставила вазу с камелиями подальше: стать титулованной леди, чтобы совмещать обязанности сиделки и няньки, а в качестве единственного развлечения разливать чай через ситечко на благотворительных посиделках, никак не входило в ее ближайшие планы. Она взяла последний букет – орхидеи. Должно быть, стоят целое состояние! Оранжерейный цветок, который очень непросто раздобыть в Лондоне. Кончики пальцев у нее похолодели – где-то в глубине души она очень боялась этих цветов. С тех самых пор, как узнала, что редкие сорта орхидей питаются живой плотью – мошками и комарами.

Хищные и капризные цветы источали едва уловимый запах прели.

Слишком утонченный выбор для букета от адмирала…

Она нетерпеливо вынула из маленького белого конвертика карточку, перевернула – на карточке не было имени! В ее руках оказался девственно чистый прямоугольник из первоклассного картона. Ирэн не любила подобных головоломок, гневно топнула ножкой в турецкой туфле, которая очень шла к ее наряду.

– Что стряслось, душенька? – забеспокоился импресарио.

– Прислали орхидеи с чистой карточкой! Кто мог до такого додуматься?

– Ответить на ваш вопрос проще простого! – рассмеялся всеведущий синьор Сильвио. – Конечно же, этот изысканный букет прислал вам неподражаемый мистер Холмс! Вы совершенно потрясли его, но со свойственным всем британцам упрямством он не готов еще признать своего поражения. Уж поверьте, я разбираюсь в таких вещах!

Ирэн поморщила носик и отправила карточку в мусорную корзину.

Завтрак сервировали на троих – мистер Уайльд еще недостаточно оправился от потрясения и охотно составил компанию им с синьором Сильвио.

– Ужасно боюсь завтракать в одиночестве – чувствую себя глубоким стариком, – попытался пошутить он, разворачивая газету, и нервозно улыбнулся. – Взгляните, любезный Сильвио, я еще не выжил из ума, убийство произошло на самом деле!

– Как полагаете, это плохая новость или скорее хорошая?

«Загадка смерти на Парк-Лейн»

«…Хозяин особняка на Парк-Лейн, мистер Адэр, был обнаружен мертвым в собственном кабинете. Полиция прибыла в дом ранним утром, было установлено, что смертельную рану молодому человеку нанесла револьверная пуля, пробившая череп. Двери кабинета были заперты изнутри, оконное стекло – не повреждено, деньги и прочие ценности остались на месте. Полиция склонна квалифицировать происшествие как самоубийство, хотя оружие до настоящего момен-

та не обнаружено, а никто из многочисленных домочадцев и соседей не слышал выстрела. Инспектор Лейстрид отказался прокомментировать ход расследования. Родственники покойного выразили свое неудовлетворение предварительными результатами и намерены прибегнуть к помощи частных детективов…»

– Амбивалентная. Плохая новость в том, что британская полиция узколоба и нерасторопна. Иначе бы они нашли мои цилиндр и трость, а потом и всего меня целиком! В том, что меня до сих пор не арестовали, и заключается хорошая новость.

– Они просто не знают, кто владелец цилиндра.

– Все мои вещи изготовлены на заказ и отмечены монограммой – литера «W», – парировал мистер Уайльд.

Белоснежная кисть Ирэн вздрогнула, кусочек бисквита свалился обратно на блюдце, а крошки рассыпались по нежно-кремовой скатерти. Литера «W» – мистер Уайльд, безусловно, принадлежит к кругу людей, которые с легкостью могут стать объектами шантажа.

– Литера «W», изображенная на особый манер?

– Да, именно так! Достаточно было послать самого бестолкового констебля к шляпнику с моим цилиндром – по монограмме он сразу назвал бы заказчика. – Мистер Уайльд продемонстрировал безупречного качества платок с тонко вышитым переплетением завитков. Ирэн вздохнула с облегче-

нием и дотронулась до ткани. То же самое качество, такой же тип вышивки и подбор нитей. Платок Оскара и тот ужасный платок с угольной меткой происходили из одной мастерской!

– Тонкая работа! Неужели в Лондоне есть такие мастерицы?

Польщенный литератор черкнул адрес мастерской на салфетке и помрачнел:

– Если наши доблестные копы не в силах додуматься до подобной ерунды, где уж им разобраться, какие опасные секреты удалось раскопать бедолаге Адэру?

На секунду Ирэн задумалась, потом уточнила:

– Вы сказали, несчастный мистер просматривал какую-то книгу с записями пари…

– Да, ее называют «Закладная книга» – еще с тех времен, когда было в ходу выражение «биться об заклад».

– Он мог взять эту книгу для работы дома?

– Маловероятно. Она внушительного размера, да и правила клуба запрещают выносить книгу, чтобы записи о пари не подверглись переделке. Если бы книга исчезла из «Багателя», поверьте, поднялся бы жуткий переполох!

– Возможно, он делал выписки? Или расчеты?

– Вполне возможно, мистер Адэр отличался завидным педантизмом.

– Черновик или набросок записи мог сохраниться в клубе, например, угодить в мусорную корзину. Ни полиции, ни тем более самим джентльменам не придет в голову копаться

среди мусора…

Мистер Уайльд поправил перстни на ухоженных пальцах, скептически заметил:

– Безупречная репутация не входит в число моих достоинств, но инспектировать мусорные корзины… э… даже мне… некоторым образом неловко…

– Мы отправим туда мою горничную! – рассмеялась Ирэн.

Девушка служила у нее больше двух лет, хотя и не блистала образованностью, зато была расторопной и преданной хозяйке. Ирэн подробно объяснила Эйрин, что от нее требуется: прийти в клуб, сказать распорядителю, что мистер Уайльд вчера по рассеянности бросил в урну черновик стихотворения, который ему весьма ценен, поэтому он просит прислать ему весь мусор, который найдется, и подкрепить хлопотную просьбу двумя фунтами. Распорядитель отправит Эйрин к младшей прислуге. За пару шиллингов каждому они выудят из мусора бумаги и сложат в мешок, который девушка доставит хозяйке. Ирэн пересчитала и вручила горничной деньги, дважды повторила инструкцию и велела взять кэб, чтоб обернуться поскорее.

В два часа пополудни, точно, как скоростной железнодорожный экспресс, появился аккомпаниатор, стали раскладывать ноты: Ирэн собиралась обновить репертуар перед концертом, а мистеру Уайльду в качестве знака расположения к его литературным талантам разрешили присутствовать на репетиции.

Но успело прозвучать всего несколько арий, как девушка возвратилась.

Вид у горничной был огорченный.

– Ничего там нету в мусорных корзинах, миледи! – отчиталась Эйрин, возвращая деньги. – Дворецкий, или кто у них там, не взял ни копейки, а только говорит, мол, ему очень жаль. Жаль ему, миледи! Потому что весь мусор у них уже забрал тот, другой джентльмен…

– Другой джентльмен?

– Ага.

– Он уверен, что это был именно джентльмен? Ты спросила, как он выглядел?

– Нет. Зачем бы я такое спрашивала?

Похоже, дело оказалось слишком сложным для простой ирландской девчушки.

– Чтобы знать, как он выглядит, – начала раздражаться Ирэн.

– Мы и без того знаем, как он выглядит! – пожала плечами горничная. – Джентльмен назвался «мистер Шерлок Холмс», миледи. Я выпросила его визитную карточку. Только это неприлично для простой девушки без приглашения бегать в дом к постороннему джентльмену, хоть бы он и сыщик. Напишите ему сами, если хотите.

На карточке значилось:

«Шерлок Холмс, частный детектив. Бейкер-стрит 221-Би, Лондон»

Сыщик опережал ее на целый корпус, настроение петь сразу пропало.

Но Ирэн не собиралась смиряться с поражением, она быстро начертила на листке пресловутую литеру «W», вручила горничной листок с адресом галантерейной лавки и отправила девушку с новым поручением – узнать, кто заказывал платок с такой примечательной монограммой. Затем привычно выводила ноту за нотой и раздумывала, под каким предлогом прилично нанести мистеру Холмсу визит и вызнать о его сыскных достижениях?

Они собирались прерваться на чай, когда в гостиную, где протекали музыкальные штудии, вошел дворецкий и с соблюдением всего возможного этикета осведомился, готова ли мисс Адлер принять его лордство сэра Бенджамина Фердинанда Армбалта, адмирала флота ее королевского величества? И протянул серебряный поднос с карточкой.

Ирэн кивнула. Встала и выпрямилась с видом королевы в изгнании. По счастью, импровизация всегда была ее сильной стороной!

Первым в комнате появился помпезный букет, в котором доминировали лилии тропически яркой расцветки и пальмовые ветви. Цветы абсолютно скрыли молоденького адъютанта, который их нес. Следом появился сам адмирал – он был заметно старше, чем ожидала Ирэн. Пышные седые баки обрамляли его лицо в согласии с модой давно ушедших времен,

подбородок подпирал жесткий расшитый воротничок, эполеты слепили золотом, а награды были так многочисленны, что могли бы составить экспозицию провинциального музея. Щеки адмирала казались румяными от мороза – их покрывала плотная сосудистая сетка. Диккенс назвал бы улыбку ветерана морских баталий «благодушной», но глаза адмирала Армбалта сверкали холодно и жестко, как сталь. Возможно, он и был чванлив и старомоден, но никак не глуп. Из тех людей, играть с которыми все равно что баловаться с огнем. В такой опасной игре действует только одно правило – не сгореть дотла!

Они обменивались формальными комплиментами, как герои галантной пьесы, пока в уютной «китайской гостиной» накрывали пятичасовой чай, Ирэн извинилась за скромное меню, но адмирал отмахнулся и посетовал:

– Дорогая мисс Адэр, ваши извинения излишни. За пару дней вы заполучили одного из лучших поваров Лондона! Поведайте, как вам это удалось…

Ирэн плавно взмахнула руками – как прекрасная грациозная птица – и соединила пальцы перед грудью. Эффектный жест, которым она любила предварять арии:

– Понятия не имею… это заслуга моего импресарио. – Позвала: – Синьор Сиии-львиоооо…

Адмирал рассмеялся:

– Я приду на ваш концерт, вы так артистичны! Леди Абигэйл переживает, что выступление отменят из-за… вашего

самочувствия… Она даже просила меня узнать мнение сэра Уильяма Уэсткотта[6], – не скажу что мы близки, но знакомы с магистром…

– Ни в коем случае! Долго сохранять естественность – слишком утомительное занятие для меня… – Лакей пододвинул певице стул, адмирала усадили напротив. Ирэн встала, чтобы, следуя долгу хозяйки, разлить чай, мысленно похвалила себя за выбор фарфора для сервировки: веджвудский сервиз с классическим синим узором выглядел очень по-британски! – но так и замерла с молочником в руках, не в силах оторвать глаз от своей тарелки: на белоснежном донышке медленно проступало кроваво-красное число: «26».

Сливки тонкой белой струйкой пролились на скатерть, глаза Ирэн округлились от неожиданности; служанка ойкнула, серебряный чайник соскользнул с подноса у нее в руках, со звоном покатился по полу, фыркая паром и кипятком; перепуганный щенок залился лаем; лакеи бестолково толкались в дверях; синьор Сильвио вопил сразу на всех известных ему языках и указывал пальцем в центр скатерти – из-под вазы с миндальным печеньем по скатерти змейками расползался огонь!

Ирэн схватила ближайшую вазу, вышвырнула букет и плеснула воду в центр стола, но стало только хуже. Скатерть

[6] Уильям Уэсткотт – один из основателей эзотерико-оккультного общества Герметический Орден Золотой Зари, действовавшего в Британии во второй половине XIX и начале XX века. Также состоял в Теософском обществе Елены Блаватской.

вспыхнула целиком – чашки и графины лопались, осколки разлетались во все стороны, комната стала наполняться дымом и гарью. Ирэн закашлялась и, прикрывая нос салфеткой, бросилась ловить щенка. Надо бежать из этого ужаса, бежать как можно быстрее, даже если для этого придется пересечь океан!

Огонь мог бы перекинуться на ковры и шелковые шпалеры и за считаные часы покончить с домом, если бы не решимость адмирала Армбалта – он дал тычка ближайшему лакею:

– Кретины, срывайте портьеры! Сбивайте ими огонь! Быстрее, быстрее…

Под суровые окрики вояки пламя понесло сокрушительное поражение, ущерб от него был невелик – один из лакеев обжег руку. Служанки судорожно всхлипывали, кашляли и распахивали окна, хотя ветер забрасывал в них дождевые струи. Общество ретировалось в белую гостиную и сгрудилось у рояля.

Горничная принесла Ирэн бокал с водой, но она оттолкнула бокал и разрыдалась:

– Ничего не хочу! Ни секунды не останусь в этом ужасном доме! Прочь, прочь отсюда! Куда угодно…

– Действительно, мисс Адлер много пережила! – нахмурился адмирал. – Леди необходим свежий воздух…

Он собственноручно подал ей манто, придерживая за пле-

чи, вывел наружу и усадил в свой замечательный экипаж, они медленно двинулись в сторону ближайшего парка. Вознице приходилось сдерживать лошадей – уверяют, что адмирал обладал самым резвым выездом в Лондоне.

Адмирал Армбалт считал себя стратегом. Хороший стратег принимает во внимание любую информацию независимо от того, признает наука ее существование или нет. Самовозгорание под действием ментальной энергии – не трюк и не фокус! Его визит был неожиданностью, а хорошее жульничество походит на спектакль и требует подготовки. Мадам Блаватская была права – рядом с ним экстраординарный медиум. Никто не может сыграть так – даже сама Сара Бернар. Да простит ему мисс Адлер такое сравнение. Было глупостью с его стороны игнорировать факты – именно его появление спровоцировало этот феномен!

Слезы на щеках Ирэн успели высохнуть, а холодный ветер вернул ей способность думать. Она горячо поддакивала адмиралу и шептала о своих кошмарных видениях – морские волны, скрежет искореженного металла, слово «неустрашимый» – кажется, вытиснено на сафьяне. Ирэн прикрыла глаза, забормотала – папка… папка с рисунками… линии, значки… расчеты… Это чертежи! – уточнила она, – от них исходит угроза сэру Бенджамину. Это все, что ей было открыто – медиум всего лишь вестник иного…

Адмирал выглядел потрясенным:

– Папка с чертежами действительно существует! И многие

хотят наложить на нее лапу, – вздохнул он. – Нет, мои враги не шпионы, а вполне законопослушные британцы, которые окопались в министерстве финансов. Затем чертов лорд Чизвит со своими сподвижниками из теневого кабинета. Они непроходимо тупы! Отказать в финансировании новых проектов Адмиралтейства – худший удар по Британской империи! Даже в самом Адмиралтействе найдется много желающих спровадить его в отставку, чтобы устроиться в отлично обставленном кабинете!

Собеседница слушала, изящно склонив голову, потом задумалась:

– У меня странное чувство… Мне кажется, если я коснусь этой папки… мне будет открыто имя вашего главного врага и указан способ его одолеть…

– Черт, ах… чтоб его… – Он спросил позволения закурить сигару, продолжал сокрушаться: – Мне навязали в секретари молоденького выскочку Вудли. Чего ждать от выходца из семейки сэра Чизвита? Словом, я решил держать клятую папку в своем личном сейфе в клубе, где вхожу в совет попечителей. В нашем клубе побольше старого доброго порядка, чем в Адмиралтействе.

– Вы попечитель в клубе «Багатель»?

– «Багатель»? Не вспоминайте эту клоаку! Обычный игорный притон. Разрешили анонимное членство, выбрали сопляка вице-президентом, а теперь негодуют, что его подстрелили, как перепелку! Как человек традиций, я посещаю ис-

ключительно «Уайтс». – Адмирал виновато крякнул: – Дамам заказан вход в целомудренные стены нашего клуба. Даже не знаю, как поступить. Надолго вынимать секретный документ из сейфа – чревато!

Ирэн игриво поправила шляпку:

– Я не просто дама – я медиум, сэр! Проникать сквозь стены мое призвание…

– Исключено. За двести тридцать лет истории клуба не зафиксировано случая, когда внутрь пробралась леди!

– Хотите пари?

– Пари?

– Побьемся об заклад, как говаривали в старые времена.

– Заклад с леди? – рассмеялся адмирал. – И каковы будут наши ставки?

– Ха… Угостите меня виски, когда встретимся в клубе?

– Виски? Вы будете пить виски?

– Конечно. После леди Гамильтон кому-то должна достаться эта привилегия!

– А если вы проиграете?

– Спою «Британия правит морями…» у входа в Адмиралтейство! – рассмеялась Ирэн, она была уверена, что окончательно покорила бывалого морского волка. Но что делать дальше, она еще не решила, зато впереди у нее была целая ночь на размышление.

Глава шестая
Пропавшая велосипедистка

Горничная давно вернулась. Дом успели основательно проветрить, обгоревший стол и ковер с прожженными плешами убрали, но прислуга из опасения обходила пострадавшую комнату стороной. Синьор Сильвио легкими шагами кружил по опустевшей «китайской гостиной», размахивал списком клиентов галантерейной лавки и перечнем участников аукциона леди Абигэйл и сокрушался, что разобраться в хитросплетениях титулов, приставок и родственных отношений сэров и баронетов сможет только искушенный британец! Добрая дюжина фамилий начиналась с «W» и еще полдюжины имеют начальной букву «М».

Попробуй разберись со всеми этими Милк– Wотерами!

Вдвоем с Ирэн им не уследить за такой прорвой головорезов, здесь орудует целая мафия! Каморра! На Сицилии каморра сперва отрезает проштрафившимся палец, потом – уши, а напоследок разрубает тела несчастных, складывает куски в холщовый мешок и бросает в море. Синьору Сильвио очень не хочется узнать, как расправляются со своими противниками преступные кланы в Лондоне.

Даже без причитаний импресарио было ясно, что им не ускользнуть от вездесущих соглядатаев без помощников.

Ирэн направилась в кабинет – открыла письменный прибор, набросала несколько записок, запечатала в конверты и отправила с мальчишкой-посыльным из лавки по соседству. Черновики она тут же сожгла в камине – благо, вечер выдался прохладным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.